

18+

КОГТЕ ТОЧКА

№1, 2020

Иван Чернышов
Когтеточка. № 1, 2020

«Издательские решения»

Чернышов И. С.

Когтеточка. № 1, 2020 / И. С. Чернышов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515142-1

Когтеточка — журнал современной литературы, открытая площадка для начинающих авторов, предлагающая возможность «отточить» их мастерство.

ISBN 978-5-00-515142-1

© Чернышов И. С.
© Издательские решения

Содержание

– Проза—	6
Стасенька	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Когтеточка

№ 1, 2020

Авторы: Чернышов Иван Сергеевич, Победа Владимир, Павлов Алексей Михайлович, Афонин Юрий Витальевич, Сурнов Павел Андреевич, Сорокина Анастасия Анатольевна, Озерская Кира, Федянин Артем Евгеньевич, Magic, Бондарев Алексей Владимирович, Швецов Александр Борисович, Князева Наталья Александровна

Редактор Иван Сергеевич Чернышов

Дизайнер обложки Иван Сергеевич Чернышов

Корректор Иван Сергеевич Чернышов

Менеджер по работе с авторами Юрий Витальевич Афонин

© Иван Сергеевич Чернышов, 2020

© Владимир Победа, 2020

© Алексей Михайлович Павлов, 2020

© Юрий Витальевич Афонин, 2020

© Павел Андреевич Сурнов, 2020

© Анастасия Анатольевна Сорокина, 2020

© Кира Озерская, 2020

© Артем Евгеньевич Федянин, 2020

© Magic, 2020

© Алексей Владимирович Бондарев, 2020

© Александр Борисович Швецов, 2020

© Наталья Александровна Князева, 2020

© Иван Сергеевич Чернышов, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-5142-1 (т. 1)

ISBN 978-5-0051-5143-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

— Проза —

Иван Чернышов. Не хуже людей

– А вот Димка Ермаков уже успел в армии отслужить, вернуться, на Дашке жениться и автослесарем устроиться, а ты все за своим компьютером сидишь!

И так все время мне в пример: Димка Ермаков, а вот Димка Ермаков, Димка Ермаков уже это, это и вон то, а ты...

И однажды надоело мне это слушать, и огромным усилием воли я превратился в Димку Ермакова.

Просыпаюсь, в голове трещит, на кухню отправляюсь, там Дашка в таком халатике коротеньком оладьи наваливает в тарелку, рядом банка джема открытая, туда ножик воткнут, сажусь, наворачиваю оладьи, довольно на Дашку поглядываю, ножиком джем черпаю из банки и прямо вдогонку оладьям запихиваю, сытно, полезно. Дашка-то чего-то недовольно смотрит.

– Че?

– Вчера у моей бабушки день рождения было, почему не позвонил, не поздравил ее? – Дашка спрашивает.

Не отвечаю, зачем с утра по пустякам ругаться, жую оладьи да гляжу на нее довольно. О, время подходит, встаю, чпокаю Дашку, собираюсь на работу, Дашка сердится: чего лезешь, все губы в джеме измазаны, ну так что, в джеме, не в дерьме же.

Взял кепарь, иду на работу, с телефона слушаю Витю Аку, чем рэп мне нравится, так тем, что жиза. Курить захотелось – беру и закуриваю, захотел – делаю, вот тебе и весь этикет. А все потому, что рабочий человек, страна держится на мне, в новостях говорят: «поднимать престиж рабочей профессии» – зачем поднимать? Кто понял, что к чему, тот нашел себе место в жизни и работает на пользу общества, ну и о себе не забывая, конечно. А престиж? Престиж проявляется в других вещах, в том, как ты себя подаешь, как ты себя поставишь, вот я раньше ездил до шиномонтажки на моей девятке, но теперь она сломалась, все руки починить не доходят, и хожу пешком, тут идти-то пешком минут восемь, но когда девятка еще бегала, я на машине ездил, потому что престиж, потому что статус. Один раз поехал на автобусе, но это не для меня. Хотя там я получил хороший жизненный урок о деньгах. Сел так нормально, напротив бабы одной, и так презрительно она на меня посмотрела, что я отвернулся от нее сразу. Вот тогда и понял о деньгах многое. Сами по себе деньги – бумажки, они тебя счастливым не сделают, они нужны, чтобы встать над ними надо всеми, над этой бабой конкретно, встать и купить ее. Все имеют себе цену, и деньги здесь нужны даже не для того, чтобы их покупать – у меня уже Дашка есть, если что, нет, деньги нужны не чтобы купить, но чтобы была сама возможность встать над ней и дать понять, что ты просто можешь ее купить, а там, может, и купить, может, и не купить, здесь весь смак в том, чтоб на глазки ее посмотреть, как они изменятся, они обязательно изменятся, так уж устроено все. И для таких вот моментов деньги нужны. Да.

Вот для этих целей и зарабатываю. Ну и просто – чтоб не хуже людей. Дошел до шиномонтажки, дверка (у нас гаражные, вверх складывается) открыта, Палыч, ну, непосредственный начальник мой, Николай Павлович, корейцу летние шины ставит, колдует там, Палыч – он голова, машинный доктор, всех излечит, исцелит.

– Дмитрий Юрьевич, – мы с ним в интеллигенцию играем иногда для смеха, вежливо между собой разговариваем, пока никого нет (не так поймут). – Передайте мне, пожалуйста, вон то железное приспособление!

– Соблаговолите принять, Николай Павлович, – передаю. – Вы не возражаете, если я, с вашего позволения, отойду перекурить с господами с ближайшей заправки?

– Конечно, не возражаю, отойдите, благослови вас бог!

Подхожу, там тоже много пацанов знакомых, Тоха, Никич, вон еще и начальник ихний, Саныч, курит.

– Это немцы против нас подянку делают, наш оффшор на Кипре прикрывают, – объясняет Саныч. Там часто об экономике рассуждают, а чего, в нефтяном бизнесе работают все-таки (на заправке), надо быть в курсе.

– В оффшоре, значит, можно было в рублях держать, в евро не переводить? – чешет голову, сняв фирменную кепку, Тоха. – У меня все в рублях хранится.

– А у меня вон брат как-то три тыщи наварил на этой игре курсов, валюты перебрасывал там, вся эта... ну там доллары, евро, – Никич включается в дискуссию.

– Да это баловство, – Саныч рукой машет. – Там инфляцию считать нужно, ценность не в номинале по деньгам, а в количестве товаров, что можно было тогда и сейчас купить.

Это правильно: тогда я на полтинник мог взять три пива, шас повезет, если два, да и то – моча.

Вслух об этом говорю, пацаны кивают, даже Саныч соглашается, переходим к разговору о пиве. Обсудили, где-то через полчаса возвращаюсь на шиномонтажку, Палыч за столом сидит, радиоприемник вертит.

– Настрою, шас Ноговицына послушаем, – говорит. Видать, в элиту не играем больше, ну и ладно. – Ты Ноговицына-то как, уважаешь?

– Я больше рэп...

– Да... вы, молодежь, все свой рэп...

Вот и поговорили. Шуршит там с приемником, я пошел пока в салон корейца сел, раз владелец еще не явился, сижу, покуриваю, на пачку люблюсь.

А это плохо – владелец пришел, а я в салоне его тачки курю. Не, нормальный мужик оказался, сам рядом сел, из бардачка под иконками «Спаси и сохрани» пачку достал, сидим, курим молча.

– На совесть сделано? – наконец, меня спрашивает.

– Обижаете! – говорю.

Пожали руки, он с Палычем расплатился, уехал. Все же – нормальный мужик.

– Палыч! – говорю. – Время обеда подходит, тебе взять чего?

– Не, – говорит. – У меня домашнее.

Смотрю – и правда, разложил на «Комсомолке» поляну: тут хлеб черный порезан, там банка шпрот в томатном соусе закрытая. Да какая поляна – на одного нормально, а я пойду, тут рядом покушаю, как летнее кафе типа, взял три самсы, девятки банку, сел за столик, отдыхаю, обедаю. Тихо, совсем нет никого, скучно, хозяин кафе Айрат ко мне за столик подсел.

– Что, совсем мало народу? – спрашиваю.

– Да пока мало, летом приходит народ, – говорит. – А что там твоя девятка, починил?

– Пока не починил, – недовольно отвечаю.

– Как так? – он удивляется, как будто даже искренне. – Сам автослесарь, а свою машину не можешь починить.

– Я могу, – спокойно отвечаю. – Я-то могу, да времени нет. Люди работают вообще-то, – значительно прибавляю. – Некогда, – и это тоже добавляю, для весомости.

– Вот всем некогда, а может, и мою бы красавицу посмотрел, шумит движок, – Айрат печально говорит.

– Извини, – говорю. – Сейчас – никак, на работе зашиваемся. Давай через недельку подъезжай, посмотрим, ты ж Палыча знаешь, золотые руки!

– Да у меня движок шумит, ты слышишь? – Айрат повторяет. – А у вас просто шиномонтажка. Мне надо движок послушать!

– Палыч и это может, – спокойно девятки отпиваю. – Золотые руки! – тоже повторяю ему, чтоб он понял.

– Дашенька как поживает? – спрашивает.

– Нормально, – резко говорю ему.

– Какая женщина тебе досталась! – с завистью отвечает Айрат.

Доедаю, прощаюсь, иду на работу, там Палыч, матерясь, козлику колеса меняет, рядом владелец сидит, ждет.

– Палыч, че, я покурю пока, ладно? – говорю.

Палыч жестом машет, типа, иди, кури, я пошел, смотрю, на заправке нет никого, иду по улице, думаю о том, о сем, так сразу не скажу, о чем конкретно. Красивая девка навстречу:

– Не подскажите, где здесь улица Народная?

– А зачем такой красивой девушке на улицу Народную? – флиртую. – Может, оставите номерок, пересечемся где-нибудь... там? – еще и подмигнул.

Пошла дальше, не ответила, стерва, курица. Иду, думаю: как одна дура так может разом весь настрой сбить, о, смотрю, к церквушке подошел, это как бы у них называется «часовня», недавно построили, иногда захожу, потому что по пути. Так-то я в бога не очень верю, ну, может, он и есть. Захожу, в общем, там поп – отец Афанасий, мы с ним так, нормально общаемся, прохожу, он книжку читает, а, Библию, ну да, поп же.

– Здорово, отец Афанасий, – за руку здороваюсь. Он молодой еще, лет на семь меня старше, может.

– Здорово, Димыч, – говорит. – Как сам?

– Да помаленьку, ты как, отец?

– Милостью божией... – ну как по уставу отвечает. В армии свой устав, там «Так точно» и «Разводящий ко мне, остальные на месте», а у них свой устав – «Божией милостью» и «Пути господни неисповедимы».

– Библию читаете? – как бы надо ведь разговор поддерживать, вот и спросил.

– Да. Я недавно перепутал Иону с Иовом, вот перечту, думаю, – и пальцами книгу погладил. – Стыдно стало... нехорошо.

Ну и проблемы, думаю, Иова, Иона, у нас вон на работе перепутаешь че – колесо отвалится, реальные проблемы.

Попрощался, на работу вернулся, вижу: владелец шиномонтажки Валя (Валентин Андреич) на свой калдине приехал. Че ему надо, думаю, а вон он с Палычем газету читает, плюется. Он, Валя, на бульдога похож: когда говорит, плюется, и голова квадратная, Палыч за глаза его как-то зовет... Бурчеев, что ли, а Валя сам квадратный, и еще в такой черной рубашке всегда с короткими рукавами, как деревянный, но самое смешное, это что он на шее флешку носит, и когда говорит, плюется, и флешка на шее болтается, трясется. Поорет, потом в калдину свою сядет и уедет.

Одно слово – клоун!

Эээ, да, обсуждают чего-то, я у входа стою, курю. Он уходит, я так ему бодро:

– Здрассьте, Валентин Андреич!

Мотнул головой, буркнул что-то, хрен с ним, бульдог старый. Сел в калдину, укатился.

Я Палычу говорю:

– Че приходил-то?

– В газете шиномонтажку нашу об... ругали, помнишь, на той неделе мы козла одного на тойоте послали?

– Ну.

– Вот он и накатал в газетку, урод, журналюга.

– Че, давай, я телефон пробью, решим проблему.

Я проблемы решать умею.

– Не, – Палыч кепку берет. – Неохота. Пошли по домам.

Попрощались, иду домой. Неохота – и неохота, мне тоже лениво. Лениво, да и тупо день прошел. Ничего и не взял себе сегодня, хоть бы сигарет стрельнул у того мужика, который утром приезжал. Ничего не нажил – день прошел даром, так я считаю.

Подхожу уже к соседнему двору, вижу, пацан какой-то прилизанный на лавочке горюет, рубашечка белая, часы наручные ничего так, бабу ждал – букетик мнет в руке. Я подсел на лавку, говорю:

– Че, закурить есть?

Молча мне дал сигаретку, я закурил, ему киваю:

– Че, не пришла?

Тоже молча башкой качает. Я хмыкаю, потом ему так спокойно:

– А отдай мне цветы, я своей подарю. Твоя-то не пришла.

– Ну, держи, – он мне букетик грустно отдал, я встал, его легонько по плечу похлопал.

– Не кисни, – говорю. – Найдешь другую, вон их скоко.

Настроение улучшилось, прихожу домой, звоню, Дашка в какой-то темно-зеленой маске открывает, а я ей букетик:

– На, – вручаю. – Цветы тебе. Красивый букет для самой красивой девушки!

Я с ней галантен бываю.

Она взяла, за вазочкой пошлепала. Эх, вот и день прошел. Разулся, прохожу:

– Че, ужин где? Я, если че, весь день вкалывал!

– Руки иди вымой!

Ну, можно и вымыть. Мою, себе в зеркале подмигиваю: хорошо я в жизни устроился, не хуже людей!

Стасенька

10 часов

Стасенька был оперный певец. Оперы у нас не было, но оперный певец был и даже регулярно выступал: решительно на всех мероприятиях, претендующих называться культурными, Стасенька пел. А кому больше петь?

Все концерты у нас строились по шаблону, а шаблон был такой: первым выступает Стасенька, а потом выступает букет артистов, олицетворяющий дружбу народов.

Что характерно, Стасенька всегда выступал с одним и тем же номером, который ему за эти годы удалось не то что выучить, но даже отшлифовать до блеска (он где-то через месяц уже пел все слова без бумажки). Справедливости ради, надо сказать, что и слов было немного: Стасеньку объявляли (конференсье тоже всегда была одна, и текст читала всегда один), он выходил, кланялся, вставал в пафосную позу, пропевал фразу «Куда, куда вы удалились?», кланялся и уходил. Вот такой был номер.

Так что, в целом, не без хвастовства замечу, наш город мог смело называться культурным: такие номера-то ставим.

Да... но что-то я еще не сказал ничего о себе, а сказать надо: я был Стасенькин брат и заодно повар. Получив гуманитарное образование, я сразу отправился в повара и ни секунды не пожалел. Работать поваром у представителя богемы – это ведь тоже почти что богемно. Вы только представьте, что эта богема ест! Стасенька, например, предпочитал крем-брюле. На завтрак ел крем-брюле с гречкой, на обед – крем-брюле с оливками, на ужин – крем-брюле с горчицей.

Но в этот злополучный день он отказался от крем-брюле, решив позавтракать в ресторане при гостинице, где он жил (статус, что вы хотите). В ресторане подавали мокриц. Такая была тогда мода. Городской путешественник Пузожитин как раз недавно вернулся из Восточной Кореи и теперь рассказывал небылицы про тамошнюю жизнь; небылицы подхватили и, как и всегда происходит со всем, что дурно, возвели в ранг моды и стали насаждать. Так, Пузожитин где-то брякнул, будто восточные корейцы едят мокриц – и все стали есть мокриц. Ну и Стасенька тоже решил от моды не отставать. Он набрал со шведского стола три поварешки мокриц и подсел к кушающему помидорку местному поэту Луи Олеговичу Капелькину.

– Буэнос аппетитос, – пожелал Стасенька.

– Се трэбье, – отозвался Луи.

Помолчали. Еще помолчали. Потом Луи стал жаловаться.

– Ах, вы знаете, мои книги все не включают в школьную программу.

– Оооо, – неопределенно ответил Стасенька.

– Мне в иные мгновения кажется, что я страшно несовременен.

– Нууууу...

– Да и вообще... я подмечаю, так сказать, констатирую, что стих, – это слово было произнесено невероятно одухотворенно. – Стих сегодня сложен для понимания. Да. Поэтому я всегда пишу такой подробный комментарий к своим стихам. Они прочитали, а что они поняли? А я им тут же в комментарии отвечаю: «Автор хотел сказать, что...»...

«Да кто тебя читает, – пронеслось в голове у Стасеньки. – Да и зачем в третьем лице, если о себе». Вслух же он поддакнул:

– Бесспорно, бесспорно.

После завтрака Стасеньке почему-то стало плохо, и он отправился к гостиничному доктору Безмерному. Тот как раз принимал у себя путешественника Пузожитина, но Стасеньку это не стеснило, и он скромно присел в углу на кушеточке.

– И у них там это национальная обувь, – вещал путешественник, зачем-то обхватив настольную лампу. – Они – народ бережливый, одни и те же бахилы год могут носить. Порвать бахилы для них – дурной знак. Но там у них раз в год День Обuvi празднуется, и можно бахилы бесплатно поменять на новые. У них и император бахилы носит.

– А что же, на носки или прямо на босу ногу бахилы надевают? – изумлялся доктор.

– А кто как, кто как... летом там жарко, могут и так обуть, – задумчиво проговорил Пузожитин, включая и выключая лампу.

– Извините, что прерываю, – поднялся Стасенька. – Но у меня что-то дискомфорт после того, как я мокриц поел.

– С непривычки-то конечно, – ответил за доктора Пузожитин. – Ладно, побегу я. Скоро в Гваделупу уезжаю, – озорно подмигнул он. – Автобус послезавтра уже отходит.

Откланялся, да и выбежал из кабинета, прихватив с собой лампу. Доктора это почему-то не возмутило.

11 часов

Я сидел на кухне и ждал, пока сварится Стасенькин кофе (он пил кофе с торфом), тупо глядя на качающиеся от ветра деревья за окном. На ветке качалась сорока.

Я не знал, чего я хотел. Мне было тоскливо, но я не понимал, о чем я тоскую. Стасенька придумал, что я влюбился в одну журналистку, пишущую о концертах (всегда одну и ту же статью), но я толком и сам не знал, так ли это. Да, пожалуй, она мне нравилась и внешне, и в разговоре, но неопределенность моих чувств вообще такова, что я ничего о себе не могу сказать конкретно, вплоть до того, холодно мне или жарко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.